

и подробно особенности безличных предложений раскрываются впервые. Это описание важно с точки зрения не только теории, но и практики — в целях подготовки учебников и учебных пособий для школ и высших учебных заведений.

Глава о безличных предложениях была бы интереснее, если бы автор показала степень влияния на их структуру контактирующих языков.

Заключительная часть работы содержит подробные выводы по всем трем типам односоставных глагольных предложений. Автор приходит к выводам сопоставительного характера, отметив, что

морфологических форм выражения главного члена в определительно-личных предложениях в мордовских языках гораздо больше, чем, например, в русском. Их число увеличивается за счет форм семи наклонений.

Несмотря на незначительные недостатки, работу Р. А. Алешкиной «Односоставные глагольные предложения в мордовских (эрзянском и мокшанском) языках» следует считать необходимым и ценным исследованием в области синтаксиса мордовских языков.

МИХАИЛ МОСИН (Саранск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1976.2.12>

Я. Н. Попова, Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Новосибирск 1975.

16 мая 1975 г. на заседании Объединенного Ученого совета по историко-филологическим и философским наукам Сибирского отделения Академии наук СССР успешно защитила кандидатскую диссертацию младший научный сотрудник Института истории, филологии и философии СО АН СССР Ядвига Николаевна Попова. Тема ее работы — «Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка». Официальными оппонентами выступили на защите доктор филологических наук профессор К. А. Тимофеев (Новосибирск) и кандидат филологических наук Ю. А. Морев (Томск).

В последние годы растет интерес к изучению самодийских языков. Активизация исследований в области самодологии уже начинает приносить плоды. Подробный обзор имеющихся достижений и очередных задач, стоящих перед учеными, дан в статье Н. М. Терещенко «Основные проблемы изучения самодийских языков» (ВЯ 1975, № 1, стр. 111—121). Н. М. Терещенко подчеркивает, что разработка проблем диалектологии занимает особое место, ибо изучение отдельных диалектов, часто значительно отличающихся друг от друга, способствует выявлению структуры языка в целом. Развертывание многосторонних диалектологических (а на их основе — и сравнительно-исторических) исследований предполагает прежде всего хорошо постав-

ленное изучение фонетики. Как раз с этой стороны работа Я. Н. Поповой (объем 190 стр.) чрезвычайно актуальна.

Во введении автор характеризует ненецкий как один из самодийских языков, приводит данные о его диалектном членении и истории изучения. Подводя итоги исследовательской работе в области ненецкой диалектной фонетики, Я. Н. Попова справедливо констатирует, что здесь остаются нерешенными еще многие проблемы. В связи с этим она ставит перед собой ряд вопросов: 1) охарактеризовать фонемный состав и фонетическую систему лесного наречия; 2) дать возможно полное описание артикуляционных характеристик лесного наречия в сравнении с артикуляционными особенностями тундрового наречия; 3) выявить наиболее полно и системно звуковые особенности лесного наречия по сравнению с тундровым; 4) на этой основе показать характер внутриязыкового развития и внешнего языкового влияния, приведших к образованию в ненецком языке столь отличных друг от друга наречий.

В соответствии с задачами работы автор опирается на сравнительно-сопоставительный метод как в синхроническом, так и в диахроническом плане, используя при этом традиционные слуховые и визуальные наблюдения. Следует приветствовать и попытку Я. Н. Поповой при-

менить в работе элементы количественной оценки языковых явлений, что способствует объективизации описания.

Исследование базируется преимущественно на материалах, собранных автором в четырех лингвистических экспедициях в места проживания носителей пуровского говора лесного наречия и ряда говоров тундрового наречия. Таким образом Я. Н. Попова была непосредственным адресатом ненецкой речи и могла сама фиксировать ее особенности. Основным материалом пуровского говора послужили идиолекты трех информантов; идиолекты пяти информантов дают сравнительный материал из тундрового наречия. В работе используются также некоторые данные из опубликованных у нас и за рубежом источников.

Первая глава «Звуковой состав и фонетическая система пуровского говора лесного наречия ненецкого языка» состоит из пяти разделов; здесь описаны звуки в словоформах, выявлена фонемная система и дана предварительная классификация фонем пуровского говора как основного говора лесного наречия.

В пуровском говоре автор зафиксировала 48 качественно и количественно различающихся гласных и 46 согласных, также различающихся по качеству и длительности. Всем этим звукам дана исчерпывающая характеристика по акустическим и артикуляторным признакам; учтены, как можно предполагать, все нюансы артикуляции и звучания. Так как при анализе звукового состава Я. Н. Попова не применяла методов инструментальной фонетики, ее фонетический слух следует признать хорошим.

На материале 1200 словоформ в разделе В проведен предварительный анализ частоты употребления гласных и согласных с учетом их позиций: для гласных — тип слога и отношение к ударению, для согласных — начало, середина и конец слова; сделаны соответствующие выводы об их относительной частоте. Эти данные сведены в таблицы, помещенные в «Приложении».

В точности произведенных подсчетов едва ли можно сомневаться, однако они, к сожалению, малоинформативны. При более правильной методике трудоемкая работа дала бы более надежные результаты. Прежде всего, лучше использовать

не отдельные словоформы, а выборки сплошного текста, органичнее отражающие речевую реальность: в них по сравнению с изолированно произносимыми словами неизбежны определенные закономерные модификации звуков. Далее, словоформы различны по длине, поэтому остается неясным, на какое общее количество звуков приходится частота того или иного звука. Можно рекомендовать автору на будущее а) для подсчетов брать 10 выборок связного текста по 1000 звуков в каждой; б) давать вероятностную оценку полученным результатам с использованием аппарата вероятностной статистики; в) при оформлении таблиц подсчитывать общий итог по вертикали и горизонтали; г) анализируемый текстовый материал приводить в «Приложении».

Попутно стоит заметить, что поскольку числовые величины в работе высчитываются в слоговых структурах, автору следовало дать хотя бы краткую собственную трактовку общей теории слога и ее конкретное воплощение в исследуемом ненецком материале.

В разделах Г и Д автор с помощью метода дистрибутивного анализа выявляет фонемную соотношенность звуков пуровского говора, сводя все многообразие их к 22 гласным и 19 согласным фонемам. В традиционных терминах фонематических признаков описаны противопоставления гласных и согласных фонем, на основе чего определяются системы вокализма и консонантизма, наглядно представленные в таблицах (стр. 54, 56, 57). В целом система вокализма пуровского говора совпадает с таковой тундрового наречия, установленной Н. М. Терешенко (Языки народов СССР III, Москва 1966, стр. 376). Эта система выглядит вполне обоснованной, хотя существуют и иные трактовки фонематичности долготы, смешаннорядных гласных, дифтонгов (Г. Д. Вербов, Диалект лесных ненцев. — Самодийский сборник, Новосибирск 1973, стр. 35—37, 44; P. Samallahti, Material from Forest Nenets, Helsinki 1974 (Castrenianumin toimitteita 2), стр. 13—20). Аналогично положение и с консонантной системой.

Трудно согласиться с декларируемой автором необходимостью использования в работе двух видов транскрипции: УУФТ

В. М. Наделяева и традиционной ФУТ. Конечно, любая транскрипционная система хороша настолько, насколько адекватно она отражает звуковой состав языка (диалекта, говора). УУФТ в этом смысле едва ли уступает ФУТ, которая «обеспечивает любую степень точности для графического описания звуков» (К. Венде, Финно-угорская транскрипция, Таллин 1967, стр. 9), однако необходимо учитывать, что УУФТ практически неизвестна в уральском языкознании, тогда как ФУТ употребляется десятки лет. Самоедологам и финно-угроведам было бы легче воспринимать и при необходимости использовать материалы рецензируемой диссертации, если бы в ней была применена система ФУТ, привычная для них.

Вторая глава «Основные звуковые закономерности и особенности артикуляционной базы лесного наречия ненецкого языка» состоит из двух соответствующих разделов. В разделе А наиболее подробно рассмотрены закономерности сочетаемости гласных и согласных, которые выглядят схожими с соответствующими закономерностями других самодийских языков, по крайней мере селькупского — в отношении и типов сочетаемости звуков, и употребления тех или иных сочетаний в слове. Хотелось бы видеть в диссертации более четкое и последовательное выделение регулярностей в формировании и употреблении сочетаний как элементов грамматических показателей (это замечание касается также регулярностей в употреблении отдельных звуков), что необходимо для сравнительной характеристики самодийских языков.

Я. Н. Попова утверждает, что «по частотности употребления согласных и гласных звуков и по их соотношению пуровский говор лесного наречия является высококонсонантно насыщенным (100 : 75)» (стр. II автореферата). По графической нотации можно заключить, что автор здесь имеет дело все-таки с фонемами, а не со звуками, а это — принципиальная неточность, поскольку «исследование закономерностей следования элементов плана выражения должно вестись на фонетическом уровне» (В. В. Шелорошкин, Звуковые цепи в языках мира, Москва 1969, стр. 69). Смешение фонетического и фонематического уровней ведет к недоразумениям и ошибкам в на-

блюдениях. Кроме того, для сравнения данных по разным языкам (а это обязательно надо учитывать при описании малоизвестных языков или диалектов) при определении консонантной насыщенности удобнее брать за 100 единицы гласные, а не согласные, и соотношение их выражать числом типа 1,33 (именно таков коэффициент консонантности в пуровском говоре в переводе с данных Я. Н. Поповой). Исходя из того что для уральских языков средним считается коэффициент 1,35 (В. В. Шелорошкин, указ. раб., стр. 122), положение в лесном наречии ненецкого языка можно считать обычным. Высок же коэффициент типа 1,45, полученный рецензентом для одного из селькупских диалектов.

Считая гармонию гласных одной из характерных звуковых особенностей пуровского говора (стр. 74), автор утверждает, что в современном состоянии говора она прослеживается в сильно ограниченной форме и идет процесс ее разрушения. Аналогично положение и в селькупском языке, хотя в отдельных его говорах сохраняются остатки гармонии в виде уподобления эпентетических (соединительных) гласных гласным некоторых грамматических показателей в системе существительного. Предположительно здесь происходит восстановление отпавшего когда-то гласного второго слога основы и выравнивание его по первому слогу. Некоторые формы пуровского говора можно было бы рассматривать, видимо, под этим углом зрения.

Утверждение Я. Н. Поповой о разнообразии видов ассимиляции согласных и широком распространении их в пуровском говоре, будучи справедливым, звучит несколько декларативно: этот интересный процесс следовало проанализировать подробнее, на более обстоятельном материале. Ассимиляция консонантов рассматривается а) под влиянием гласных и б) под влиянием согласных. Однако термин «ассимиляция» применим обычно к уподоблению звуков гомогенного типа, тогда как при уподоблении разнородных звуков — гласных и согласных — говорят об «аккомодации» или «адаптации».

Интересен материал раздела о чередованиях. Из него видно, что большинство чередований как гласных, так и согласных происходит при образовании ви-

нительного падежа множественного числа. К сожалению, в работе не объясняется этот любопытный фонетико-морфологический феномен. Между тем считается, что здесь мы имеем дело с каким-то утратившимся или слившимся с основной формантом, в состав которого должен был входить элемент типа *j. Былому наличию последнего и обязан ненецкий язык столь значительным изменением в облике форм множественного падежа множественного числа.

Вставка и выпадение согласных и гласных также происходят в основном при формообразовании винительного падежа множественного числа. Правда, в некоторых случаях нельзя считать вставкой появление в этих формах конечных гласных и согласных типа *t'il* 'облако' — вин. пад. мн. ч. *t'ili* или же *ma* 'молоток' — вин. пад. мн. ч. *ma'*. Они здесь вполне закономерны с точки зрения выражения определенного грамматического значения. Авторская трактовка вставки в этих случаях ошибочна.

В разделе Б второй главы Я. Н. Попова характеризует лесное и тундровое наречия в плане сравнения их артикуляционных баз, т. е. определенных систем произносительных навыков, чрезвычайно устойчивых в каждом языковом подразделении. Артикуляционные базы этих наречий имеют много общих черт: в них мала напряженность, фонематически противопоставляются три степени долготы гласных, твердость/мягкость согласных фонематична и т. д. Однако каждое наречие имеет и свои особенности, выражающиеся в различных материальных составах звуков и в системе фонем. Раздел этот — ключевой для последующего изложения.

Третья глава «Сопоставление звукового состава лесного и тундрового наречий ненецкого языка» состоит из двух разделов: А — «Звуковые соответствия пуровского говора лесного наречия и большеземельского (опорного говора тундрового наречия)», Б — «Сравнительная характеристика лесного наречия и восточных говоров тундрового наречия».

В разделе А детально рассмотрены соответствия и расхождения в системе гласных и согласных лесного и тундрового наречий. Автор разделяет соответствия на а) устойчивые, т. е. наблюдающиеся

регулярно, и б) неустойчивые, возникающие эпизодически. Среди первых наиболее часты соответствия качественно различающихся звуков, тогда как количественные расхождения неустойчивы. Наблюдаются и соответствия качественно-количественные. Соответствия гласных рассмотрены по первым и непервым слогам, а соответствия согласных — по позициям начала, середины и конца слова. Интересное наблюдение Я. Н. Поповой о наличии в лесном наречии тенденции к удлинению гласных и согласных в определенных позиционно-комбинаторных условиях подтверждается материалом П. Саммаллахти (P. Sammallahiti, указ. раб., стр. 16, 23—24).

Затруднительно дать оценку выводу Я. Н. Поповой о том, что в ненецком языке большему разрушению подвергается средняя часть слова. Вывод базируется на наличии в медиальной позиции наибольшего количества неустойчивых расхождений между лесным и тундровым наречиями. С одной стороны, диссертант как будто убедительно обосновывает причины такого положения: а) безударность гласных в непервых слогах, б) повышенная частотность согласных, в) повышенная активность действия закона ассимиляции. Но, с другой стороны, правильно ли проанализирован материал (ведь у Я. Н. Поповой это отдельные словоформы, а не связный текст), и достаточно ли учета только неустойчивых соответствий? Во всяком случае, нельзя игнорировать тот факт, что для всех языков мира общепризнанно положение, отличное от вывода автора диссертации: «Давно было подмечено, что гласные и согласные, находящиеся в конце слова, в значительно большей степени подвержены всякого рода изменениям по сравнению с гласными и согласными в начале и внутри слова» (Б. А. Серебrennikov, Вероятностные обоснования в компаративистике, Москва 1974, стр. 65). Требуются дальнейшие специальные исследования с применением иной методики, на основе которых или будет отвергнут вывод Я. Н. Поповой, или подтвердится, что в ненецком языке есть отклонение от универсалии и он стоит особняком в указанном отношении. Здесь следует лишь отметить, что в родственном ненецкому селькупском языке универса-

ля разрушения конца слова (а не середины) очевидна: в южных диалектах, например, двусложные слова более арханчного тазовского наречия отражаются как односложные.

Большой интерес представляет сравнительная характеристика лесного наречия и восточных говоров тундрового наречия, данная продуманно и системно в разделе Б третьей главы. Автор приходит к выводу, что между ненецкими наречиями нет резкого перехода, он имеет постепенный характер: чем восточнее говор, тем больше он отличается от опорного тундрового и тем более сходен с лесным наречием.

Четвертая глава «Характер фонетических процессов при формировании лесного и тундрового наречий ненецкого языка» меньше других по объему, но отнюдь не по значению; она представляет собой закономерное завершение работы. Здесь рассмотрены внутриязыковые процессы при формировании ненецких наречий и экстралингвистические факторы.

Внутриязыковые процессы автор представляет в виде ряда последовательных фонетических изменений, многие из которых начались еще в праязыке, прошли через стадию нерегулярных колебаний звуков, перешедших затем в чередования, и, наконец, один из чередующихся звуков окончательно вытеснил второй (устойчивые соответствия) или же продолжает варьировать с ним (неустойчивые соответствия). В целом происходившие при формировании наречий фонетические процессы связаны с некоторым ослаблением артикуляционного напряжения в тундровом наречии по сравнению с лесным. С такой трактовкой внутриязыковых процессов можно согласиться. Аналогичен путь развития в диалектах селькупского языка, где особенно четко проявляется тенденция к ослаблению артикуляционного напряжения.

Я. Н. Попова совершенно правомерно обращает внимание и на экстралингвистические факторы диалектной дифференциации ненецкого языка — влияние хантыйского (не только типа лексических заимствований, но и глубокого проникновения в фонетическую структуру), а также субстратного языка аборигенов Крайнего Севера, который оставил в ненецком определенные следы.

В заключении Я. Н. Попова дает

краткий обзор всего изложенного материала и делает вывод о месте лесного наречия в системе диалектных подразделений ненецкого языка.

В целом диссертация Я. Н. Поповой, несомненно, является ценным вкладом в самоедологию. Прделана большая работа по сбору, систематизации, осмыслению и оформлению обширного лингвистического материала, значительная часть которого впервые вводится в научный оборот. Работа представляет собой итог уже более чем десятилетних исследований ее автора в области диалектной фонетики ненецкого языка. По существу, она является пока и единственным столь основательным и многогранным трудом в этом плане.

Некоторые недостатки, неизбежные в таком крупном труде, а также отдельные спорные положения большей частью зависят от слабой разработанности темы. Во всяком случае можно с уверенностью сказать, что диссертация Я. Н. Поповой послужит отличным фундаментом для дальнейших исследований.

Автору диссертации было высказано несколько замечаний редакционного характера, касающихся исправления отдельных стиливых погрешностей, опечаток, неточного указания цитируемого источника; кроме того, цитирование непереведенного иностранного источника лучше было бы давать на языке оригинала.

В достаточно обширном списке использованной литературы хотелось бы все-таки видеть ряд работ по частным вопросам общей фонетики и диалектологии, например, по теории слога, по взаимодействию звуков в потоке речи, по закономерностям построения звуковых цепей, по лингвистической статистике, а также новейшие работы по самоедологии.

Однако характер работы Я. Н. Поповой определяется, конечно же, не указанными выше мелкими недочетами. Рецензируемая диссертация производит в целом очень хорошее впечатление тщательностью проработки темы, обоснованностью и надежностью выводов, основательностью общелингвистической подготовки ее автора. Она интересна широкому кругу самоедологов и финно-угроведов и заслуживает быть опубликованной.

Ю. А. МОРЕВ (Томск)